

- [ГОЛОС ИЗ ТЕМНОТЫ](#)

-

- [notes](#)

- [1](#)

- [2](#)

– Меня немного беспокоит Марджери, – сказала леди Стренли. – Это моя девочка, – пояснила она и печально вздохнула. – Имея взрослую дочь, поневоле начинаешь чувствовать себя старухой.

Мистер Саттертуэйт, на которого изливались эти признания, галантно запротестовал.

– Невозможно поверить! – с поклоном сказал он.

– Вы льстец, – обронила леди Стренли, впрочем, несколько рассеянно, словно голова ее была занята чем-то другим.

Мистер Саттертуэйт окинул одобрительным взглядом стройную фигуру собеседницы. Даже предательское каннское солнце не высвечивало в ее облике ни единого изъяна. С некоторого расстояния она казалась совсем юной, можно было даже усомниться, взрослая ли это женщина или девочка-подросток. Мистер Саттертуэйт, которому вообще очень многое было известно, прекрасно знал, что по возрасту леди Стренли вполне могла бы уже иметь взрослых внуков. Она как бы олицетворяла собою торжество искусства над природой: благодаря труду над ее восхитительной фигурой и цветом лица обогатилось немало салонов красоты.

Леди Стренли закинула ногу на ногу – поза, изящество которой выгодно подчеркивали тончайшие шелковые чулки телесного цвета, – и, закурив сигарету, пробормотала:

– Нет, все-таки меня очень беспокоит Марджери!

– А в чем дело? – спросил мистер Саттертуэйт. – Что случилось?

Леди Стренли обратила на него свои дивные голубые глаза.

– Вы видели ее когда-нибудь? Нет? Ну, дочка Чарльза! – подсказала она.

Если бы в справочниках писалась одна только чистая правда, то статья о леди Стренли в книге «Кто есть кто?»^[1] могла бы завершаться такими, например, словами: «Хобби: выходить замуж». Эта женщина шествовала по жизни, теряя мужей одного за другим. С тремя она развелась, четвертый умер сам.

– Будь она дочкой Рудольфа, я бы еще поняла, – размышляла леди Стренли. – Помните Рудольфа? Он всегда был неуравновешенным. Через полгода после нашей свадьбы я уже была вынуждена обратиться в контору брачного чего-то там такого – ну, вы меня понимаете. Слава Богу, теперь все это значительно упростилось... Помню, мне пришлось писать ему глупейшее письмо, которое почти от начала до конца продиктовал мой адвокат. Якобы я прошу его вернуться и сделаю все, что в моих силах, и прочая, и прочая. Но Рудольф был все-таки ненормальный, от него того и жди чего-то непредсказуемого. Он тут же примчался домой – и все испортил, потому что это было совсем не то, что от него требовалось... Она вздохнула.

– Так что же Марджери? – напомнил мистер Саттертуэйт, тактично возвращая ее к предмету разговора.

– Ах да, я ведь собиралась вам рассказать... Марджери теперь мерещатся какие-то призраки: то ли видятся, то ли слышатся. Никогда бы не подумала, что у нее окажется такое богатое воображение. Она, конечно, хорошая девочка, но – как бы это сказать – немножко скучная.

– Ну что вы, как можно? – невнятно пробормотал мистер Саттертуэйт, вероятно, подразумевая под этим некий расплывчатый комплимент.

– Да, ужасно скучная, – продолжала леди Стренли. – Ей, видите ли, не нужны ни танцы, ни коктейли – ничего из того, чем интересуются приличные молодые девушки, и, вместо того чтобы ездить всюду со мной, она сидит дома и выбирается разве что на охоту.

– Ай-ай-ай! – покачал головой мистер Саттертуэйт. – Значит, с вами она ездить

отказывается?

– Ну, я ее, конечно, не заставляю. Честно говоря, не так уж весело разъезжать везде под ручку с дочерью.

Мистер Саттертуэйт попытался представить себе леди Стренли в сопровождении серьезной, вдумчивой дочери, но у него ничего не вышло.

– Я уж не знаю, – оживленно рассуждала леди Стренли, – может, у нее что-то с головой? Мне говорили, что, когда мерещатся голоса, это очень плохой признак... Никаких привидений в Эбботс-Миде сроду не водилось. Старый дом в тысяча восемьсот тридцать шестом году сгорел дотла, и на его месте возвели этакий викторианский^[2] особняк. В нем и не может быть никаких привидений – для этого он слишком аляповат и вульгарен!..

Мистер Саттертуэйт кашлянул. Он никак не мог взять в толк, для чего ему все это рассказывают.

– Вот я и подумала, – лучезарно улыбаясь ему, продолжала леди Стренли. – Может быть, вы мне поможете?

– Я?

– Да. Вы ведь, кажется, завтра возвращаетесь в Англию?

– Да, – осторожно подтвердил мистер Саттертуэйт.

– Вы наверняка знакомы с какими-нибудь учеными мужами по этой части? Вы же всех знаете!

Мистер Саттертуэйт улыбнулся. Знать всех было его слабостью.

– Вот и прекрасно! – воскликнула леди Стренли. – Я лично никогда не умела найти общий язык с людьми такого сорта – ну, знаете – серьезные бородатые господа в очках. Они наводят на меня смертельную скуку. В их обществе я и сама выгляжу не лучшим образом.

Мистер Саттертуэйт все больше настораживался. Леди Стренли продолжала лучезарно ему улыбаться.

– Стало быть, решено! – радостно заключила она. – Вы заедете в Эбботс-Мид, встретитесь там с Марджери и все устроите. Я вам буду бесконечно благодарна! Конечно, если окажется, что Марджери действительно помешалась, я сразу же приеду... А вот и Бимбо!

Ее улыбка из лучезарной превратилась в ослепительную. К ним приближался молодой человек лет двадцати пяти, в белом теннисном костюме. Он был очень хорош собою.

– А я везде тебя ищу, Бэбз, – объявил он.

– Как сыграли?

– А!.. Паршиво.

Леди Стренли поднялась и, обернувшись на прощание к мистеру Саттертуэйту, проговорила нежнейшей скороговоркой через плечо:

– Это так великодушно с вашей стороны! Никогда не забуду.

Мистер Саттертуэйт проводил глазами удаляющуюся парочку.

«Интересно, – подумал он, – не собирается ли Бимбо стать номером пятым?»

* * *

Проводник вагона люкс показывал мистеру Саттертуэйту место, где несколько лет назад произошла железнодорожная катастрофа. Дослушав его вдохновенный рассказ, мистер Саттертуэйт поднял глаза и увидел над плечом проводника знакомую улыбку.

– Мистер Кин, дорогой вы мой! – воскликнул мистер Саттертуэйт, просияв всеми своими морщинками. – Надо же, как совпало – мы оба с вами возвращаемся в Англию, и одним

поездом! Вы ведь в Англию, правда?

– Да, – подтвердил мистер Кин. – Там меня ждет довольно важное дело. Когда вы собираетесь ужинать – с первой очередью или позднее?

– Только с первой! Половина седьмого – время, конечно, для ужина нелепое, зато меньше риска для желудка. Мистер Кин понимающе кивнул.

– Я тоже с первой, – сказал он. – Мы могли бы сесть вместе.

В половине седьмого мистер Кин и мистер Саттертуэйт сидели друг против друга за столиком вагона-ресторана. Изучив с должным вниманием карту вин, мистер Саттертуэйт наконец обратился к собеседнику:

– Последний раз мы с вами виделись... Где же мы с вами виделись? Ах да, на Корсике! Вы тогда исчезли довольно неожиданно.

Мистер Кин пожал плечами.

– Как всегда. Мое дело, знаете ли, прийти и уйти. Да, прийти и уйти...

Последние слова пробудили в душе мистера Саттертуэйта какие-то смутные воспоминания. По спине пробежали мурашки – нельзя сказать, чтобы неприятные, скорее наоборот: такое бывает иногда в предвкушении чего-то необычного.

Мистер Кин поднес к глазам бутылку с красным вином, рассматривая этикетку. С минуту, пока бутылка находилась между ним и светом, красноватый отблеск плясал на его лице.

Мистер Саттертуэйт снова почувствовал знакомую дрожь предвкушения.

– Я тоже должен выполнить в Англии одно поручение, – вспомнил он и широко улыбнулся. – Вы случайно не знакомы с леди Стренли?

Мистер Кин покачал головой.

– Она из очень старинного рода, – сказал мистер Саттертуэйт. – Стренли – одно из немногих семейств, где титул может наследоваться по женской линии, так что она с полным правом именуется баронессой. С этим титулом связана довольно романтическая история.

Мистер Кин сел поудобнее. В проходе раскачивающегося вагона появился официант с подносом, и на столике, как по волшебству, возникли чашки с бульоном. Мистер Кин осторожно отпил глоточек.

– По-моему, вы собираетесь одарить меня одной из ваших превосходных зарисовок, – заметил он. – Верно? Лицо мистера Саттертуэйта засветилось от удовольствия.

– О, леди Стренли действительно замечательная женщина! – сказал он, – Ей, должно быть, уже лет шестьдесят... Да, никак не меньше шестидесяти! Я знал их с сестрой еще девочками. Старшую звали Беатрисой. В те годы они жили в весьма стесненных обстоятельствах – сестры Баррон – Беатриса и Барбара. Господи, как же давно это было! Я и сам был еще юноша!.. – Мистер Саттертуэйт вздохнул. – От титула сестер тогда еще отделяло несколько здравствующих родственников. Сам старший лорд Стренли доводился им, если не ошибаюсь, двоюродным братом. Все складывалось как нельзя более романтично. Сначала один за другим поумирали два брата и племянник старика Стренли. Потом была гибель «Уралии» – помните кораблекрушение неподалеку от Новой Зеландии? Сестры Баррон находились на борту. Беатриса утонула, а младшая, Барбара, оказалась в числе немногих спасенных. Через полгода, когда скончался старший лорд Стренли, титул и все состояние перешли к ней. С той поры она стала жить исключительно для себя, ничем, кроме собственной персоны, не занимаясь. Надо сказать, с годами она ничуть не изменилась, и сейчас я узнаю в ней все то же прекрасное, необязательное и бессердечное создание, что и много лет назад. У нее уже было четыре мужа, и в любой момент может появиться пятый.

Далее он перешел к описанию миссии, которую леди Стренли так ловко на него возложила.

– Думаю, надо все-таки заехать в Эбботс-Мид и познакомиться с девицей, – заключил он. –

Придется что-нибудь предпринять, поскольку саму леди Стренли образцовой матерью никак не назовешь. – Он задумчиво посмотрел на мистера Кина. – Вот если бы вы могли поехать со мной... Никак не получится?

– Боюсь, что нет, – ответил мистер Кин. – Хотя... Эбботс-Мид ведь, кажется, где-то в Уилтшире? Мистер Саттертуэйт кивнул.

– Я так и думал. Значит, все это время я буду неподалеку от Эбботс-Мида, и знаете, где? – Он загадочно улыбнулся. – Помните, там есть одна небольшая гостиница «Наряд Арлекина»?

– Еще бы не помнить! – вскричал мистер Саттертуэйт. – Так вы будете в ней?

– Да, проживу недельку-полторы или, может быть, чуть подольше. Наведаетесь ко мне – буду очень рад.

И от этого самого обычного приглашения на душе у мистера Саттертуэйта почему-то сделалось легко и спокойно.

* * *

– Дорогая мисс... мисс Марджери, – говорил мистер Саттертуэйт. – Поверьте, я и не думаю над вами смеяться.

Марджери Гейл слегка нахмурилась. Они сидели в просторном холле Эбботс-Мида. Марджери Гейл, крупная, коренастая девушка, ничем не напоминала свою мать. По всей видимости, она пошла в отца: казалось, в ее родне были одни только сельские сквайры, привычные к верховой езде. Вид у нее был здоровый, цветущий и в общем-то абсолютно нормальный. Однако, размышлял мистер Саттертуэйт, семейству Барронов свойственна некоторая душевная неуравновешенность. Марджери могла унаследовать внешность от своего отца и, вполне возможно, некоторые фамильные заскоки – от матери.

– От миссис Кэйсон не знаю уже, куда деваться, – пожаловалась Марджери. – Я вообще ни в каких духов не верю, но эта миссис Кэйсон – есть тут у нас одна такая ярая спиритка – просто прохожу мне не дает: хочет непременно привести сюда медиума.

Мистер Саттертуэйт кашлянул, немного поерзал на стуле и изрек голосом председательствующего на суде:

– Итак, проверим еще раз, все ли вы мне сообщили. Первые – как бы это сказать? – странности начали происходить, как я понимаю, месяца два назад, так?

– Около того, – кивнула девушка. – Я стала слышать иногда шепот, а иногда совершенно отчетливый голос, который повторял одно и то же.

– А именно?

– «Верни чужое! Верни то, что ты украла!» Я каждый раз включала свет и убеждалась, что в комнате никого нет. В конце концов я так издергалась, что даже попросила Клейтон, мамину служанку, переночевать в моей комнате на диванчике.

– Но голос все равно слышали?

– Да, и что меня больше всего смутило – Клейтон его не слышала.

Мистер Саттертуэйт задумался.

– А как он звучал в тот раз – громко или тихо?

– Совсем тихо, еле слышно, – сказала Марджери. – Если Клейтон спала, она, конечно, могла его и не слышать. Она посоветовала мне обратиться к врачу.

Девушка горько усмехнулась.

– Но со вчерашнего вечера даже Клейтон мне верит, – продолжала она.

– А что случилось вчера вечером?

– Я как раз и собираюсь рассказать – об этом я еще никому не говорила. Вчера мы ездили с друзьями на охоту, пришлось много передвигаться верхом. Я страшно устала и очень плохо спала. Мне снился кошмарный сон, будто я падаю на какую-то железную ограду, и острие этой ограды вонзается мне в горло... Проснувшись, я поняла, что так и есть – в шею мне сбоку упирается что-то острое, и кто-то шепчет: «Верни, верни, что украла! Или смерть!..»

– Я закричала и попыталась схватить того, кто шептал, – продолжала Марджери, – но нашарила около себя только пустоту. На крик из соседней комнаты прибежала Клейтон. Так вот, она сказала, что в темноте что-то метнулось мимо нее из комнаты. Она не поняла, что это было, но уверяет, что, во всяком случае, не человек.

Мистер Саттертуэйт в задумчивости глядел на девушку. Да, она несомненно пережила сильное потрясение. На шее с левой стороны он заметил маленький квадратик пластыря. Поймав его взгляд, она кивнула:

– Как видите, это не игра воображения.

– Скажите... Нет ли у вас... скажем, тайного недоброжелателя? – произнес мистер Саттертуэйт.

– Что вы, какие недоброжелатели! – поморщилась Марджери.

– Кто гостил у вас в последние два месяца?

– Вас, вероятно, интересуют постоянные гости, а не те, кто заезжал в Эбботс-Мид только на выходные? В таком случае могу сказать, что все это время у меня жила Марсия Кин – она моя лучшая подруга и, кстати, отличная наездница. И еще частенько навещался мой кузен Роли Вэйсаур.

Мистер Саттертуэйт кивнул и изъявил желание встретиться с Клейтон, служанкой леди Стренли.

– Наверное, она у вас давно? – предположил он.

– С незапамятных времен, – подтвердила Марджери. – Она прислуживала маме и тете Беатрисе, еще когда они были девочками. Наверное, поэтому мама ее и держит, хотя для себя она давно уже завела другую служанку, французенку. Клейтон только шьет и периодически выполняет кое-какую пустячную работу по дому.

Она отвела его наверх, и вскоре служанка Клейтон предстала перед ними. Это была худая высокая старуха, с аккуратным пробором в седых волосах – воплощение добропорядочности.

– Нет, сэр, – заявила она в ответ на расспросы мистера Саттертуэйта. – Ни разу до сих пор не слышала, чтобы в доме водились привидения. По правде сказать, до вчерашнего дня я вообще думала, что все это фантазии мисс Марджери. Но вчера в темноте мимо меня действительно что-то проскользнуло. И знаете, сэр, это было что угодно. Но не человек!.. И потом – эта рана на шее... Не сама же она ее себе нанесла!

«Действительно, – подумал про себя мистер Саттертуэйт, не сама ли она ее себе нанесла?» Ему вспомнилось, что девушки, с виду не менее нормальные и уравновешенные, чем Марджери Гейл, вытворяют порой самые невообразимые вещи.

– Бедняжка! – сказала Клейтон. – Но ничего, скоро заживет!.. Это не то, что у меня. Она показала шрам у себя на лбу.

– Уж сорок лет минуло, а до сих пор не проходит.

– Это у нее после гибели «Уралии», – пояснила Марджери. – Ее тогда балка ударила по голове – так, Клейтон?

– Да, мисс.

– А что вы сами об этом думаете, Клейтон? – спросил мистер Саттертуэйт. – Почему, по вашему, мисс Марджери вдруг подверглась нападению?

– Мне не хотелось бы говорить, сэр. Такой ответ для вышколенной служанки был вполне

естественным, однако мистер Саттертуэйт не отступал.

– Так что же вы все-таки думаете, Клейтон? – настойчиво повторил он.

– Я думаю, сэр, что когда-то в этом доме было совершено какое-то страшное злодеяние, и, пока с ним не будет покончено, покоя не жди.

Все это она произнесла на полном серьезе, строго, почти сурово глядя на мистера Саттертуэйта выцветшими голубыми глазами.

Разочарованный мистер Саттертуэйт спустился вниз. Клейтон, как и все кругом, явно считала, что в результате совершенного некогда зла в доме завелось привидение. Такое объяснение мистера Саттертуэйта никоим образом не устраивало. Ведь все странности начали происходить лишь в последние два месяца – кстати, с того самого времени, как в доме обосновались Марсия Кин и Роли Вэйсаур... Хорошо бы узнать об этих двоих поподробнее. Может, все это просто розыгрыш, шутка? Он с сомнением покачал головой. Это была бы слишком уж недобрая шутка.

Принесли почту, и Марджери занялась письмами.

– Нет! – воскликнула она вдруг. – Моя мать просто невозможная женщина! Вот, почитайте! – И она протянула мистеру Саттертуэйту листок.

Послание оказалось вполне в духе леди Стренли.

«Дорогая Марджери! – писала она. – Я ужасно рада, что рядом с тобой оказался милейший мистер Саттертуэйт. Он такой умница, он знаком с лучшими специалистами по всяким там привидениям. Вот пусть они теперь как следует во всем разберутся! Не сомневаюсь, что в их обществе ты чудесно проведешь время, жаль, что я не смогу приехать: я больна. В этих отелях так скверно готовят! Врачи говорят, что у меня пищевое отравление. И правда, несколько дней я чувствовала себя совсем плохо. Спасибо тебе, милая, за шоколадные конфеты – хотя, по моему разумению, присылать в Канны конфеты – затея довольно-таки нелепая. Право, здесь прекрасный выбор кондитерских изделий!

Пока, милая! Сражайся там с нашими фамильными призраками и не скучай! Бимбо говорит, что я уже играю в теннис гораздо лучше. Море любви!

Целую, Барбара».

– Хочет, чтобы я непременно называла ее Барбарой, – вздохнула Марджери. – По-моему, это просто глупо. Мистер Саттертуэйт улыбнулся: неудивительно, что консервативные взгляды Марджери Гейл иногда очень докучают ее матери. Однако в письме его заинтересовала одна деталь, на которую девушка явно не обратила внимания.

– Вы что, посылали ей коробку конфет? – спросил он.

– Ничего я ей не посылала! – Марджери пожала плечами. – Это, наверное, кто-то другой.

Мистер Саттертуэйт посерьезнел. Странное совпадение: кто-то присылает леди Стренли коробку конфет, и у нее тут же случается пищевое отравление. Сама она, по-видимому, никакой связи между первым и вторым не усматривает. А существует ли она, эта связь? Мистер Саттертуэйт склонен был считать, что существует.

Из гостиной вышла высокая темноволосая девушка – Марсия Кин, как ее представили мистеру Саттертуэйту. Она непринужденно улыбнулась маленькому человечку.

– Вы, говорят, приехали ловить новое эбботс-мидское привидение? – нарочито растягивая слова, спросила она. – Бедная Марджери! Мы все тут над нею немного подтруниваем... О, вот и

Роли приехал!

К крыльцу подкатил автомобиль, из него чуть не на ходу выскочил высокий белокурый юноша с порывистой мальчишеской повадкой.

– Привет, Марджери! – с порога крикнул он. – Привет, Марсия! Принимайте пополнение! – В залу вместе с ним входили две женщины. В одной из них мистер Саттертуэйт узнал миссис Кэйсон, о которой только что шла речь.

– Марджери, дорогая, умоляю вас меня простить! – с милейшей улыбкой пропела гостя. – Мистер Вэйсаур обещал, что вы не будете сердиться. И вообще, это он надоумил меня прихватить с собой миссис Ллойд. Знакомьтесь – миссис Ллойд! – провозгласила она, махнув рукой в сторону спутницы. – Миссис Ллойд – самый сильный медиум на свете!

Миссис Ллойд без ложной скромности поклонилась и сцепила перед собой пальцы. Это была ярко покрашенная молодая особа довольно заурядной наружности, одетая немодно, зато с претензией. На шее у нее были бусы из лунного камня, на пальцах сверкали кольца и перстни.

Марджери Гейл, насколько мог судить мистер Саттертуэйт, была явно не в восторге от неожиданного вторжения. Она сердито поглядывала на Роли Вэйсаура, но тот, как видно, и не думал смущаться.

– Наверное, ленч уже готов, – сказала Марджери.

– Вот и прекрасно! – воскликнула миссис Кэйсон. – Сразу же после ленча начнем сеанс! Да, у нас найдутся фрукты для миссис Ллойд? Перед сеансом она предпочитает легкую пищу.

Все перешли в столовую. За ленчем миссис Ллойд съела яблоко и два банана, на редкие замечания хозяйки отвечала вежливо, но несколько односложно, а под конец ленча вдруг откинула голову и принялась принюхиваться.

– В доме что-то неладно. Я это чувствую!

– Она совершенно неподражаема, правда? – с умилением проворковала миссис Кэйсон.

– Да, пожалуй, – суховато подтвердил мистер Саттертуэйт.

Для проведения сеанса выбрали библиотеку. Хозяйка согласилась с явной неохотой, по-видимому, только ради гостей, не скрывавших предвкушения удовольствия.

Подготовительную часть взяла на себя миссис Кэйсон, которая, по-видимому, знала это дело до тонкости и чувствовала себя как рыба в воде. Стулья были сдвинуты в кружок, окна занавешены, и, наконец, миссис Ллойд объявила, что готова.

– Нас шестеро, – оглядевшись, сообщила она. – Это никуда не годится! Должно быть нечетное число, лучше всего семь. Мои самые удачные сеансы проходили в кругу из семи участников.

– Можно позвать кого-нибудь из слуг, – поднимаясь, предложил Роли. – Попробую откопать дворецкого.

– Лучше Клейтон, – сказала Марджери. Мистер Саттертуэйт заметил, что по красивому лицу юноши пробежала тень раздражения.

– Почему обязательно Клейтон? – проворчал он.

– Не любишь ты Клейтон, – упрекнула его Марджери. Роли пожал плечами.

– Это она меня не любит. Просто на дух не переносит. – Он выдержал паузу, но Марджери осталась непреклонна. – Ну хорошо, зовите Клейтон, – сдался он.

Вскоре все уселись в кружок.

Некоторое время тишину нарушало лишь обычное покашливание да поскрипывание стульев. Потом раздался какой-то стук и, наконец, голос индейца чероки, через которого миссис Ллойд сообщалась с миром духов.

– Краснокожий брат хочет говорить дамы и господа добрый вечер. Кто-то здесь очень должен передать сообщение для молодая леди. Дальше краснокожий брат молчать. Говорить

дух.

Последовала пауза, потом другой, женский голос тихо спросил:

– Марджери здесь? Отвечать взялся Роли Вэйсаур.

– Да, здесь.

– Это Беатриса.

– Беатриса? Какая Беатриса?

В ответ, к досаде собравшихся, снова раздался голос индейца чероки:

– Краснокожий брат хочет говорить. Наша жизнь здесь светлый и прекрасный. Мы все много работать. Нужен помогать всем, который еще не здесь.

Снова молчание, и опять тихий женский голос:

– Говорит Беатриса.

– Какая Беатриса?

– Беатриса Баррон.

Мистер Саттертуэйт, волнуясь, подался вперед.

– Беатриса Баррон? Та, что погибла во время крушения «Уралии»?

– Да, я помню «Уралию». Я должна что-то сообщить вам, всему вашему дому. Верните то, что вам не принадлежит!

– Но я не понимаю, – беспомощно сказала Марджери. – Тетя Беатриса, это правда вы?

– Да, это я, твоя тетя.

– Разумеется, это она, – набросилась на Марджери миссис Кэйсон. – Что за неуместная подозрительность? Духи этого не любят.

А мистеру Саттертуэйту вдруг пришло на ум, что это очень легко проверить. Дрожащим от волнения голосом он спросил:

– А вы помните мистера Пербенутти? В ответ незамедлительно раздался смех.

– Конечно, помню! Бедный Перевернутти! Мистер Саттертуэйт ошарашенно молчал. Все сходится! Однажды, больше сорока лет назад, он случайно повстречал сестер Баррон на морском курорте. И один их общий знакомый, молодой итальянец, по фамилии Пербенутти, как-то вышел на лодке в море, но не справился с веслами и перевернулся. Беатриса Баррон в шутку окрестила его «мистером Перевернутти». Этот эпизод вряд ли мог быть известен кому-либо из присутствующих, кроме мистера Саттертуэйта.

Миссис Ллойд застонала и беспокожно задвигалась.

– Выходит из транса, – сообщила миссис Кэйсон. – Вряд ли нам сегодня удастся что-нибудь еще из нее вытянуть.

Шторы на окнах были раздвинуты, на участников сеанса снова пролился дневной свет, и стало видно, что по меньшей мере двое из них не на шутку напуганы.

Марджери даже побледнела. Когда наконец удалось спровадить миссис Кэйсон вместе с медиумом, мистер Саттертуэйт попросил разрешения поговорить с хозяйкой наедине.

– Мисс Марджери, хочу задать вам пару вопросов. Скажите, кто должен унаследовать титул и состояние в случае вашей смерти и смерти вашей матери?

– Вероятно, Роли Вэйсаур. Его мать была маминой двоюродной сестрой.

Мистер Саттертуэйт кивнул.

– Он, кажется, часто гостил у вас этой зимой, – мягко сказал он. – Простите, что я спрашиваю, но... он не влюблен в вас?

– Три недели назад он сделал мне предложение, – тихо ответила Марджери. – Я ему отказала.

– Еще раз простите: а вы ни с кем другим не помолвлены?

Девушка зарделась.

– Да, помолвлена! – вызывающе сказала она. – Я собираюсь выйти замуж за Ноэля Бартона. Мама, правда, считает это блажью: ей, видите ли, кажется, что муж-священник – это смешно! А что тут смешного? Священники бывают разные. Посмотрели бы вы на Ноэля, когда он скачет верхом!

– Да-да, – сказал мистер Саттертуэйт. – Да, конечно. Дворецкий подал телеграмму на подносе. Марджери ее вскрыла.

– О Господи, – вздохнула она. – Завтра приезжает мама. Только ее тут не хватало!..

Мистер Саттертуэйт оставил это изливание дочерних чувств без комментария. Возможно, оно показалось ему вполне естественным.

– Ну что ж, – пробормотал он. – В таком случае я возвращаюсь в Лондон.

* * *

Мистер Саттертуэйт был не совсем доволен собой. Загадка-то так и осталась неразрешенной. Конечно, по возвращении леди Стренли он вправе был считать свою миссию законченной, но ведь тайна Эбботс-Мида этим не исчерпывалась! В последнем он несколько не сомневался.

Однако далее дела неожиданно приняли такой серьезный оборот, к какому мистер Саттертуэйт отнюдь не был готов. О развитии событий он узнал из утренних газет. «Баронесса утонула в собственной ванне!» – извещала «Дейли Мегафон». Остальные газеты, хотя и в несколько более деликатной и сдержанной форме, писали о том же: леди Стренли нашли мертвой в ванне. Доктора полагают, что она неожиданно потеряла сознание, в результате чего ее голова соскользнула под воду и она захлебнулась.

Мистера Саттертуэйта такое объяснение не удовлетворило. Вызвав слугу, он совершил свой туалет с непривычной для себя торопливостью, и уже через десять минут его шикарный «роллс-ройс» увозил его из Лондона.

Однако, как ни странно, направлялся он не в Эбботс-Мид, а в находящуюся милях в пятнадцати от него маленькую гостиницу с несколько непривычным названием «Наряд Арлекина». По прибытии мистер Саттертуэйт с огромным облегчением узнал, что мистер Арли Кин еще здесь, и через минуту он уже стоял перед своим другом.

Схватив мистера Кина за руку, он взволнованно заговорил:

– Я в отчаянии. Вы должны мне помочь! Я боюсь, что уже слишком поздно и что следующей жертвой может оказаться эта славная девушка... Поверьте, она действительно очень славная!

– Может, объясните сперва, в чем дело? – улыбаясь, спросил мистер Кин.

Мистер Саттертуэйт укоризненно взглянул на него.

– Как будто вы сами не знаете, в чем дело! Я абсолютно уверен, что знаете!.. Ну что ж, извольте.

Он подробно описал свою поездку в Эбботс-Мид и, как всегда в присутствии мистера Кина, получил немалое удовольствие от собственного красноречия. Живописал он ярко и выразительно, в деталях был точен до педантичности.

– Вы же видите, этому надо найти какое-то объяснение, – закончил он и устремил на мистера Кина взгляд, исполненный собачьей преданности.

– Эту задачу все равно придется решать вам, а не мне, – сказал мистер Кин. – Потому что я этих людей не знаю, а вы знаете.

– Да, сестер Баррон я знал еще сорок лет назад. – с гордостью сообщил мистер Саттертуэйт.

Собеседник кивал так участливо, что он совсем расчувствовался и мечтательно продолжал:

– Помню, как мы смеялись в Брайтоне над этой глупой шуткой: «Пербенутти-Перевернутти». Боже мой, как же я был тогда молод! Столько делал глупостей! Помню, с ними приехала девушка-служанка. Ее звали Элис, такая была милая наивная малышка... Как-то я поцеловал ее в гостиничном коридоре, и одна из сестер чуть меня не застала за этим. Да, как же давно это было!..

Он снова покачал головой, вздохнул и перевел взгляд на мистера Кина.

– Так вы мне не поможете? – жалобно спросил он. – До сих пор...

– До сих пор вам все удавалось только благодаря вашим же собственным усилиям, – возразил мистер Кин. – Думаю, так будет и на этот раз. На вашем месте я бы немедленно отправлялся в Эбботс-Мид.

– Да, конечно, – сказал мистер Саттертуэйт. – Честно говоря, я так и собирался сделать. Вижу, мне не удастся уговорить вас поехать со мной?

Мистер Кин покачал головой.

– Нет, – сказал он. – Я уже закончил здесь все свои дела и вот-вот уезжаю.

В Эбботс-Мид мистера Саттертуэйта сразу же провели к Марджери Гейл. Марджери, с сухими глазами, сидела в утренней гостиной за столом, заваленным бумагами. По тому, как она с ним поздоровалась, мистер Саттертуэйт понял, что она ему рада, и очень растрогался.

– Только что уехали Роли с Марсией. Мистер Саттертуэйт, все было совсем не так, как думают врачи! Я совершенно, абсолютно убеждена, что ее насильно держали под водой. Ее убили! И тот, кто убил ее, хочет расправиться и со мной. Я нисколько в этом не сомневаюсь. Поэтому... – Она кивнула на лежащую перед ней бумагу. – Я составила завещание, – пояснила она, – значительные суммы и кое-какая недвижимость не наследуется вместе с титулом, к тому же у меня есть еще и отцовский капитал. Все, что возможно, я завещаю Ноэлю. Я уверена, что он распорядится деньгами как надо. Роли же я не доверяю: он живет только ради удовольствий. Вы подпишетесь в качестве свидетеля?

– Но, видите ли, – начал мистер Саттертуэйт, – такой документ следует подписывать в присутствии двух свидетелей, причем они должны ставить свои подписи одновременно с вами...

Однако Марджери эти мелочи показались не стоящими внимания.

– Какая разница! – сказала она. – Клейтон видела, как я подписывала бумагу, а после меня подписалась сама. Я как раз собиралась звонить, чтобы ко мне прислали дворецкого, но тут явились вы.

Мистер Саттертуэйт не нашелся, что возразить. Он отвинтил колпачок своей авторучки и уже собирался начертать внизу своей автограф, как вдруг замер, не донеся пера до бумаги. Имя, написанное строкой выше, вызвало в нем какое-то смутное беспокойство: Элис Клейтон.

Он силился вспомнить: Элис Клейтон – с этим именем что-то связано... Что-то, имеющее отношение к мистери Кину... Вернее, к тому, что он сам недавно рассказывал мистери Кину.

Вспомнил! Элис Клейтон – так звали ту малышку, служанку сестер Баррон. Малышку?.. Люди с годами меняются, но не до такой же степени! К тому же у той Элис были карие глаза... Комната как-то странно покачнулась, закружилась, мистер Саттертуэйт нащупал стул, и откуда-то, словно издали, раздался взволнованный голос Марджери: «Что с вами? Вам дурно? Ах, Господи, вы больны!..»

Но он уже пришел в себя и, взяв ее за руку, заговорил:

– Милая, теперь мне все ясно. Приготовьтесь услышать поразительную весть. Та, кого вы называете Клейтон, вовсе не Клейтон. Настоящая Элис Клейтон утонула вместе с «Уралией».

Марджери в оцепенении глядела на мистера Саттертуэйта.

– Но... кто же она тогда?

– Думаю, ошибки быть не может. Женщина, которую вы называете Клейтон, – сестра вашей матери, Беатриса Баррон. Помните, вы как-то упомянули, что балка ударила ее по голове? Вероятно, в результате сотрясения она потеряла память, и вот ваша магушка, усмотрев в этом удобную возможность...

– То есть возможность присвоить себе титул? – с горечью переспросила Марджери. – Да, она бы не упустила такого случая. Наверное, нехорошо так говорить о покойной, но такой уж она была человек.

– Из двух сестер Беатриса была старшая, – продолжал мистер Саттертуэйт. – После кончины вашего дяди она должна была унаследовать все, а Барбара ничего. И тогда ваша мать решила объявить раненую девушку своей служанкой, а не сестрой. Позже девушка поправилась и, естественно, поверила, что она Элис Клейтон, служанка. Лишь недавно ее память, вероятно, начала восстанавливаться, но тот удар по голове и проведенные в беспамятстве годы все же не прошли даром: рассудок ее поврежден.

Марджери смотрела на него полными ужаса глазами.

– Она убила маму... И хочет убить меня!.. – еле слышно выдохнула она.

– По всей вероятности, это так, – сказал мистер Саттертуэйт. – В ее помраченном сознании живет лишь одна мысль – что у нее украли наследство, что вы и ваша мать отняли у нее то, что по праву принадлежит ей.

– Но... Но Клейтон же старуха!

С минуту мистер Саттертуэйт ничего не отвечал. Перед ним проплывали видения. Седая бесцветная старуха... Сияющая златовласая красавица в лучах каннского солнца... И это – сестры? Возможно ли? Он вспомнил сестер Баррон: они были так похожи друг на друга! И вот, только из-за того, что судьба их сложилась по-разному...

Он тряхнул головой, вновь поражаясь тому, как удивительна и непостижима бывает порой жизнь.

Обернувшись к Марджери, он тихо проговорил:

– Нам, вероятно, следует подняться к ней. Они нашли Элис Клейтон в ее маленькой швейной мастерской. Она не повернула к вошедшим головы – и скоро стало понятно почему.

– Сердце сдало, – пробормотал мистер Саттертуэйт, трогая окоченевшее плечо. – Что ж, наверное, это к лучшему.

notes

«Кто есть кто?» – ежегодный биографический справочник, издающийся в Англии с 1849 года.

Викторианский – характерный для эпохи царствования королевы Виктории (1837 – 1901), об архитектуре и мебели – массивный, помпезный.